Цзянь Цинцин была в оцепенении и почувствовала, что кто-то плачет над ней. Что происходило? Разве она не погибла от взрыва бензобака? Могло ли быть так, что ей так повезло, что она пережила взрыв?

Вспоминая момент взрыва бензобака, Цзянь Цинцин все еще дрожала от страха. В то время она готовила, когда внезапно почувствовала сильный запах, который не принадлежал запаху овощей. Она повернула голову и поняла, что загорелся бензобак, прежде чем она смогла убежать, бензобак с треском взорвался. Она почувствовала острую боль и потеряла сознание.

Думая об этом, Цзянь Цинцин также почувствовала боль во всем теле. Она пошевелила пальцами и с большим усилием открыла глаза.

Плач внезапно прекратился. Затем послышался взволнованный женский голос: “Позови отца, быстро! Она жива! Старшая сестра снова жива!”

Сидя на табурете, Фатер Цзянь подумал, что матери ребенка было слишком грустно, и у нее начались галлюцинации. Он вытер слезы и сказал: “Поторопись и приведи в порядок Старшую сестру. Пока не стемнело, давайте отправим ее в следующую жизнь.”

В этот момент Цзянь Цинцин тоже поняла, что что-то не так. Когда она открыла глаза, то увидела темный и полуразрушенный дом. Главное заключалось в том, что стены дома были сделаны из травы, и потолок тоже был сделан из травы, в этот момент струйки воды стекали с соломенного потолка, образуя лужи на земляном полу. Слушая разговор двух незнакомцев, Цзянь Цинцин посетило дурное предчувствие. Как и ожидалось, она наклонила голову и обнаружила, что ее руки были черными и маленькими. Одежда, которая была на ней, также была изодрана в клочья, и большая часть рукава отсутствовала.

Она переселилась.

Осознав этот факт, Цзянь Цинцин слабо застонала. Глядя на условия, казалось, что она уже не в 21 веке.

Хотя ее стон был тихим, двое людей в комнате услышали его.

Отец Цзянь не мог в это поверить. Он бросился к кровати и осторожно коснулся руки Цзянь Цинцин. “Старшая сестра, ты!… ты действительно вернулась к жизни!”

Цзянь Цинцин увидела только тощего мужчину, появившегося перед ней. Его лицо было полно переменчивости, и на вид ему было за сорок.

В это время женщина, которая плакала на ней, тоже присела и нежно погладила Цзянь Цинцин по лицу. Цзянь Цинцин, которая никогда раньше ни с кем не была так близка, неловко поерзала и уклонилась от ее руки.

Матери Цзянь было все равно, она вытерла слезы и сказала: “Моя дорогая дочь, подожди меня. Я приготовлю для тебя что-нибудь вкусненькое. Я больше не позволю тебе голодать. Я приготовлю для вас обычную рисовую кашу, чтобы вы могли пить ее без всяких примесей. Это очень вкусно. Ты должен дождаться меня!”

Сказав это, она похлопала Цзянь Цинцин по руке и быстро ушла. После ухода матери Цзянь Цзянь Цинцин не смогла противостоять усталости в своем теле и снова заснула.

На этот раз ей приснился сон. Сон был очень реальным, как будто она пережила это сама.

Цзянь Цинцин знала, что это должны быть воспоминания первоначального владельца.

Когда она снова проснулась, рядом с ее кроватью было еще несколько человек. Одним из них был седовласый старик. Цзянь Цинцин знала, что это был дед первоначального владельца. Также было трое мальчиков. Старшим был брат-близнец первоначального владельца, Сяо Ху, которому было восемь лет. Двумя другими были Сяо Е и Сяо Лан, которым было пять и три года. Сяо Е был сыном ее второго дяди, но его второй дядя был отправлен на войну и погиб на поле боя. Когда распространилась новость, вторая тетя не выдержала удара и скончалась, после этого Сяо Е жила с их семьей.

Как и ожидалось, вся семья была настолько голодна, что от нее остались кожа да кости.

Когда мать Цзянь увидела, что она проснулась, она быстро взяла миску с кашей и сказала: “Старшая сестра, давай, ешь быстрее. Ты не будешь голодна после того, как съешь это”.

Цзянь Цинцин взглянула на миску. По краям миски уже виднелись выбоины, а внутри стояла миска с рисовой кашей. Рисовая каша была желтой и даже немного черной. Если бы это было в прошлом, Цзянь Цинцин даже не взглянула бы на это, но теперь было неизвестно, как долго первоначальный владелец не ел кашу, приготовленную из чистого риса. Как только подошла рисовая каша, изо рта у нее сразу потекла слюна, а в животе заурчало.

Цзянь Цинцин немедленно взяла миску и нетерпеливо прикончила ее одним глотком.

Поставив миску, Цзянь Цинцин все еще чувствовала себя очень голодной. Однако она знала, что больше не может есть. Это было не потому, что ее тело не позволяло этого, а потому, что в ее семье больше не было еды.

Ее семье стоило больших усилий раздобыть для нее эту миску каши.

Это было Великое царство Вэй. Оно не принадлежало ни к одной исторической династии ее мира. Это можно считать эпохой господства. Этот континент был разделен на пять стран, а Великое царство Вэй находилось посередине. Хотя оно и не было самым сильным, его мощь тоже была неплохой, поэтому в него не вторглись. Однако споры любого масштаба никогда не прекращались.

Простолюдины в те хаотичные времена были самыми ожесточенными, а налоги - самыми тяжелыми. Первоначально, после уплаты налогов, того, что осталось, едва хватало на выживание семьи. Однако в прошлом году была засуха, и урожая почти не было.

Хотя Императорский двор освободил их от налогов, они выкопали все корни и съели все сорняки. Многие люди все равно умерли.

Им было нелегко дожить до начала весны. Весь урожай был посажен, и листья диких овощей и деревьев на горе распустились. Только тогда у них, казалось, появилась какая-то надежда.

Первоначальная владелица умерла от голода в момент выздоровления, потому что она была старшей сестрой близнецов. Она родилась слабой и болезненной. Их урожай прошлой зимой состоял исключительно из рисовой и пшеничной шелухи, которая не была наполнена крахмалом во время засухи, если бы туда подмешали немного проса, было бы больше отрубей и меньше риса.

Все в 21 веке знали, что люди умрут, если будут есть слишком много отрубей. Люди той эпохи тоже знали это, но ничего не могли с этим поделать.

Первоначальная владелица съела слишком много этого. Ее и без того слабый желудок больше не мог этого выносить. Ее чуть не вырвало тем, что она съела.

Она не осмелилась сообщить своей семье, что ее тайно вырвало на улице. Но сегодня, прежде чем она закончила есть, ее вырвало на обеденный стол. Ее даже вырвало кровью. Прошло совсем немного времени, прежде чем она больше не смогла этого выносить.

Итак, в тарелке с кашей, которую она ела, должен быть рис, отсеянный от оставшегося риса, смешанного с отрубями. Ничего не осталось. На самом деле, они уже больше месяца ели дикорастущие овощи. Она также заметила, что трое детей сглотнули слюну, когда только что уставились на нее.

Цзянь Цинцин хотела заплакать, но слез не было. В нынешней ситуации, даже если она переживет взрыв, она, вероятно, не доживет до сбора летнего урожая.

Она почувствовала вкус овсянки во рту и подумала о том, как прожить дольше. Когда она пришла в себя, то поняла, что на нее смотрят старый и молодой члены семьи.

Она была потрясена и спросила: “Что случилось?”

“Старшая сестра, ты все еще голодна? Если ты все еще голодна, я…” Матушка Цзянь стиснула зубы. “Пойду позаимствую немного риса!”

“Не нужно, мама. Я и так сыт”. В то время в каждой семье не хватало еды. У кого можно было бы одолжить лишнюю еду? Даже если бы они могли, им пришлось бы выпрашивать ее.

“Старшая сестра, тебе лучше? Почему бы мне не пойти и не найти тебе вкусной еды? Я достаточно пожил в этом возрасте. Даже если мне придется обменять свою старую жизнь на твою, я готов! Когда старик Цзянь это сказал, по его лицу потекли слезы.

Отец Цзянь и мать Цзянь немедленно опустились на колени. “Отец, это потому, что я не способен. Я не смог дать тебе и детям хорошую жизнь!”

Цзянь Цинцин быстро утешила: “Дедушка, я все еще хочу, чтобы ты прожил долгую жизнь. Цинцин все еще так молода. Ты должен увидеть, как Цинцин выйдет замуж и заведет детей”.

На самом деле, старик Цзянь не считался старым в наше время. Ему было всего 45 лет, но в ту эпоху он считался человеком с долгой жизнью. Хотя отец Цзянь выглядел так, словно ему было за сорок, на самом деле ему было всего 27 лет, в ту эпоху людям приходилось каждый день выполнять тяжелую работу. Дул ветер и светило солнце, поэтому они выглядели очень потрепанными.

Услышав это, старик Цзянь заплакал еще громче, и несколько детей тоже начали плакать.

Цзянь Цинцин тоже не могла удержаться от слез. Они плакали о своей собственной трагической судьбе, плакали о печали той эпохи.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется